

Собеседник

28 июля 1987 г.

4

ЦИРК

С ЧЕМ ПРИШЕЛ КЛОУН

Что это за профессия — клоун? В чем ее рабочие секреты? Что для клоуна обязательно и что ему противопоказано?

Наш корреспондент Ольга Макарова вводит читателя в творческую мастерскую заслуженного артиста РСФСР, лауреата премии Ленинского комсомола Анатолия МАРЧЕВСКОГО.

Профессия клоуна требует от артиста универсальных способностей. Тут и балет, и пантомима, и танец, и вокал, и театральная драматургия... Впрочем, вряд ли он думает, выходя на манеж, какому жанру принадлежит то, чем он занят именно в этот момент. Клоунада — его призвание.

— Главное — не потерять связь со зрителем, — уточняет А. Марчевский. — Чтобы он от меня не ускользнул, не ушел в сторону. Получилось ли это вчера? Не знаю: ничего уже не помню, кроме радостного сознания, что мы были с ним заодно.

Человек же не думает, с какой ноги ему пойти. У него одна задача: двигаться к цели. А у клоуна тоже задача — так беседовать с другом-зрителем, чтобы тот все время был увлечен. Чтобы накал взаимного интереса все время нарастал.

— Но на какого зрителя вы рассчитываете: на ребенка или на взрослого?

— У клоунов уже сложилось мнение по этому вопросу: все новые репризы всегда проверяются на детском зрителе. Он самый непосредственный, самый доброжелательный, самый искренний. Не утомлен и не отвлечен будничными проблемами. И мнение у него не предвзятое. И сознание собственного превосходства над артистом его не донимает.

Детская оценка всегда объективна.

В общем же цирк — это, по моему, единственное искусство, где возрастные грани зрителей не имеют никакого значения. На один и тот же спектакль приходят четырехлетние и девяностолетние. Ребенок находит для себя одно, а взрослые — другое. Потому что мир чувств у них по-разному устроен, ассоциации разные.

Есть у меня реприза с микрофоном. Я появляю на него косынку, и возникает образ любимой девушки. Возникает тема любви, тема нежности. Каждый любит по-своему. Никто еще не написал устава любви: дескать, так любить правильно, а так — неправильно. И репризу с микрофоном каждый воспринимает по-своему. Юноша видит в ней образ своей возлюбленной. Взрослый видит ту любовь, которая к нему приходила. А пожилой вспоминает, что мечта его так и осталась мечтой...

Моя задача — затронуть струнку в сердце зрителя. Дело каждого — допеть то, что я начал. И это на таком, кажется, примитивном материале, как микрофон в женском платочке! Микрофон, трепещущий как девичье сердце...

— Многим нравится ваша реприза с цветочком. Какова тут «сверхзадача»?

— Все просто. Ребенок дарит мне цветок. Или я «нахожу» его; кем-то сорванный, он брошен в пыль. Для чего сорвали? Почему бросили? От огорчения? Человек ждал, надеялся, а она не пришла... Или, наоборот, она убедилась: он недостойн ее любви. Так или иначе, брошено в пыль нечто живое. И это не может не взволновать любого нормального человека.

Я хочу сказать своей репризой: «Не надо быть хамом, эгоистом. Не надо топтать живое!» Решаю ли я эту задачу?

Если все это перевести на язык морали... Но не хочу переводить! Ведь я артист, клоун, а не проповедник. Вообще цирк исключает всякую риторичность, декларативность. Он подвижен, динамичен, все время втягивает зрителя в «сопереживание».

Зритель в цирке — это партнер. И пьеса играется только сегодня. Завтра будет другая пьеса.

— Как делаются репризы? Ведь многие из них живут долго, повторяются сотнями масте-

ров. Варьируются, конечно, но повторяются.

— Да, мы иногда используем старые репризы. Но как?

Мы редко берем материал, который пишут специально для цирка. Для нас почти и не пишут. Клоуны, как правило, создают репризы сами, если им не удастся найти человека, который хорошо понял их, почувствовал и готов помочь литературно. Ведь на публику мы выходим с определенной идеей, зараженные той информацией, которую нам дала жизнь. Клоуны любознательны, они должны многое знать. И не только знать, но и уметь разъяснить друг-другу.

Профессионализм артиста цирка заключается в том, чтобы интересную, важную мысль интересно же, зажигательно подать зрителю. Самый лучший замысел дискредитируется беспомощностью, бездарностью, неумением.

— Добро сильнее зла! — говорит ваш «лирический герой». Вся гамма выразительных средств у него позитивная и оптимистическая...

— У каждого клоуна свое собственное лицо. И юмор его говорит о самом артисте. Можно ведь сделать другой конец любой репризы: взять иссушенный цветок и засунуть его в петлицу. А что? Подумаешь! Назначение цветка — сидеть в петличке и украшать костюм человека!

Мне иногда задают вопрос, почему у меня нет политических реприз, напрямую разоблачающих империализм, пороки хищника, мораль поджигателей войны. А я считаю, что весь мой образ надо сделать сугубо политическим. Мой «лирический герой» — это ведь я сам. Представитель современной советской молодежи. Может, ее авангарда, может, пока еще — второй шеренги. И то, что я утверждаю в своем искусстве, — это тоже политика и борьба за новый мир и нового человека, и борьба против войны, против всякого насилия, всякого эгоизма.

Кстати, это напрямую относится и к моей профессии. Если клоун смешит за счет унижения достоинства зрителя или партнера — он поступает аморально. Унижая человека на потеху, ты подкармливаешь безразличие, черствость, спесь.

— Цирк — синтез искусства, мастерства. Какими жанрами вы владеете?

— В самодеятельности и в цирковом училище я получил очень хороший заряд универсальности. Я рос в Ворошиловградской области, потом в Свердловске. Там был народный цирк. И жонглирование, и эквилибр, и батут, и вольтижировка, и умение ходить по канату, и многое другое я взял оттуда. Кроме воздушной гимнастики и дрессуры, прошел все цирковые жанры.

— Нужен ли вам режиссер?

— Любому актеру нужен режиссер. Он зеркало и успехов, и неудач. К сожалению, мало у нас хороших цирковых режиссеров. А уж лучше работать без режиссера, чем с плохим.

Режиссер должен раскрыть суть артиста. Но не лепить «матрешек», чтобы не были все на одно лицо! Если режиссер сможет развить циркового артиста, то вырастет индивидуальность, способная мыслить, строить, искать и находить выразительные средства. А если режиссер выдрессирует артиста «под себя», навязывает ему свои взгляды, вкусы, свой юмор, старательный ученик, может, хорошо выполнит все его указания, но больше в жизни ни на что уже не будет способен.

— Над чем вы сейчас работаете?

— Несколько лет назад мы создали клоунский театр. Первое отделение — «Ретро», бенефис «Рыжего клоуна», прародителя всей нашей клоунской династии, Рыжего Августа. Это канканы, феерии, балет. Второе отделение — «Сердце клоуна» — моноспектакль: клоунады, сценки, пантомимы. Все это своеобразный гимн, посвященный современной клоунаде. Этим и живу сейчас.